Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Том 17. № 4.
Law. Journal of the Higher School of Economics 2024. Vol. 17, no 4.

Научная статья
УДК: 347.13
JEL: K 15
DOI:10.17323/2072-8166.2024.4.136.160

Событие рождения и его гражданско-правовые последствия

Елена Александровна Останина
Челябинский государственный университет, Россия 454001, Челябинск, ул, Братьев Кашириных, 129,
elenaostanina@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0026-3161.

Аннотация

Развитие медицинских технологий сделало процесс развития человеческой жизни более доступным для наблюдения и вызвало несколько правовых проблем, в числе которых вопросы о правовой природе эмбриона и допустимости предоставления гражданину, зачатому с использованием донорских репродуктивных клеток, сведений о доноре, если эти сведения необходимы гражданину по медицинским причинам. Предметом исследования статьи является вопрос о моменте начала правосубъектности человека. Цель статьи — выяснить, нуждается ли классическое правило о том, что правосубъектность человека возникает с момента рождения, в пересмотре в свете новейших достижений медицины и права. Методологией исследования являются сравнительно-правовой метод и приемы аналитической юриспруденции. В статье предложены следующие выводы. Эмбрион представляет собой объект гражданских прав особого рода, тесно связанный с личными нематериальными благами. Ни одна из попыток найти иной момент возникновения правосубъектности, кроме рождения, не свободна от условности. Является перспективным учение о ступенях развития правосубъектности. Правовая природа зиготы (зародышевой клетки, результата слияния яйцеклетки и сперматозоида) не равняется правовой природе плода на восьмом месяце развития. По мере того, как развивается человеческий организм, увеличивается и его правовая защита. Вместе с тем и на ранней стадии своего развития будущая человеческая жизнь должна пользоваться уважением и защитой закона. Поэтому эмбрион, созданный in vitro, нельзя признать вещью; это особый объект права. Данный вывод, в частности, означает, что эмбрион не может входить в состав наследства. При этом половые клетки содержат только часть генетической информации, поэтому к ним

© Е.А. Останина, 2024
Данная публикация лицензируется соответственно условиям лицензии Creative Commons Attribution-Sharealike 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/legalcode.ru

возможно применять нормы гражданского права о вещах. В статье рассмотрены иски о возмещении вреда, вызванного недостаточной или недостоверной информацией о состоянии плода. Автор подчеркивает, что возможность таких исков не должна приводить к отрицанию ценности жизни; сохранение жизни не может рассматриваться как частный случай причинения вреда.

Ключевые слова

насцитурус; эмбрион; правосубъектность; событие рождения; патентное право; медицинская помощь.

Благодарности: статья опубликована в рамках проекта по поддержке публикаций авторов российских образовательных и научных организаций в научных изданиях НИУ ВШЭ.

Для цитирования: Останина Е.А. Событие рождения и его гражданско-правовые последствия // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Том 17. № 4. С. 136–160. DOI:10.17323/2072-8166.2024.4.136.160

Research article

Birth and its Civil Consequences

Elena A. Ostanina

Chelyabinsk State University, 129 Brothers Kashirin Str., Chelyabinsk 454001, Russia, elenaostanina@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0026-3161

Abstract

The development of medical technology has made the process of human life development more accessible for observation and has raised several legal problems, including questions about the legal nature of the embryo. The subject of the study is the question of the moment of the beginning of human legal personality. The aim of the article is to find out whether the classical rule that the legal personality of a person arises from the moment of birth needs to be revised taking into account new medical and legal achievements. The research methods are comparative-legal method and techniques of analytical jurisprudence. Conclusions are suggested for discussion. The embryo and foetus cannot be classified as either subjects or things; the author proposes the conclusion that the embryo is an object of civil rights of a special kind, closely related to personal intangible goods. None of the attempts to find any other moment of the emergence of legal personality than birth is free from conventionality. The doctrine of the stages of development of legal personality seems promising. The legal nature of the zygote is not equal to the legal nature of the foetus in its eighth month of development. As the human organism develops, the protection afforded to it by the law increases. However, even at an early stage of its development, future human life must be respected and protected by the law. Therefore, the embryo invitro cannot be recognized as a thing, it is a special object of law. At the same time, germ cells contain only a part of genetic information,

so it seems possible to apply to them the norms of civil law on things. Claims “wrongful birth” and “wrongful life” are considered, it is emphasized that the possibility of such claims should not lead to a denial of the value of life; the preservation of life cannot be considered as a special case of harm.

Keywords

nasciturus; embryo; legal personality; birth event; patent law; medical care.

Acknowledgments: the paper is published within the project of supporting the publications of the authors of Russian educational and research organizations in the Higher School of Economics academic publications.

For citation: Ostanina E.A. (2024) Birth and its Civil Consequences. *Law. Journal of the Higher School of Economics,* vol. 17, no. 4, pp. 136–160 (in Russ.) DOI:10.17323/2072-8166.2024.4.136.160

Введение

В современной цивилистике есть несколько вопросов, связанных с правосубъектностью граждан, где право должно установить общие дозволения и запреты. При выборе метода регулирования, однако, законодатель, практика и доктрина вместе испытывают чувство диссонанса. Дело в том, что не все общественные отношения нуждаются в регулировании, не все общественные отношения выигрывают от попытки их урегулировать; это отметил еще И.А. Покровский при исследовании вопроса о регулировании семейных отношений [Покровский И.А., 1917: 144–178]. В современной литературе также поддерживается мнение, что не все семейные отношения нуждаются в правовом регулировании. В частности, Б.М. Гонгало отмечает: «Многие отношения, складывающиеся между членами семьи, недосягаемы для законодателя, ибо невозможно правом регулировать чувства» [Гонгало Б.М., 2021: 7].

В частности, интимный момент зачатия или печальное событие смерти от естественных причин всегда считались находящимися вне рамок правового регулирования. Однако развитие медицинских технологий привело к тому, что процесс оплодотворения и создания эмбриона in vitro открыт, изучен, разложен на стадии и очевидно нуждается в правовом регулировании, хотя бы в связи с тем, что уже возникает множество споров, связанных с распоряжением половыми клетками, зиготами[1] и

[1] Зигота (от др.-греч. ζυγωτός — удвоенный) — это диплоидная, т.е. содержащая полный двойной набор хромосом клетка, образующаяся в результате оплодотворения. Согласно формуле оплодотворения: зигота = яйцеклетка + сперматозоид, начало развития зиготы — это момент формирования двойного (диплоидного) при встрече двух гаплоидных наборов родительских гамет. Именно тогда зарождается молекуляр-

эмбрионами. Причем обсуждаются и распоряжения между живыми на основании договора (например, договоры дарения и цессии; насколько применимы в данном случае обычные договорные конструкции, определяется в данной статье), и распоряжения «на случай смерти», в том числе завещательные распоряжения. Вопрос о пределах правового регулирования в этой части практически важен. Он усугубляется тем, что другие регуляторы, в том числе этика и религия, не знают единого решения, а содержат множество противоположных подходов.

Несколько примеров такой контроверзы. Так, по вопросу о генетическом исследовании клеток и плода этика, религия и право сходятся в выводе о допустимости и желательности полного медицинского исследования; но по вопросу о допустимости прерывания беременности по медицинским показаниям в связи с генетической болезнью эмбриона и плода некоторые религии категорично говорят «нет», охраняя право нерожденного ребенка на жизнь[2], а некоторые этические исследования говорят «может быть», отстаивая право родителей делать все возможное для рождения здорового ребенка без наследственного заболевания [Quaas A., 2019: 23–28.].

Законодательное решение данного вопроса в большинстве стран имеется, хотя оно варьируется от полного запрета исследований, уничтожающих один из эмбрионов in vitro, до разрешения такого исследования. В вопросе о допустимости прерывания беременности по медицинским показаниям регулирование также различается от установления сроков возможных операций до полного их запрета.

Законодательное регулирование не снимает остроты проблемы, поскольку для прерывания беременности по медицинским показаниям, даже если оно разрешено, требуется медицинская информация. В частности, в американской и немецкой судебной практике есть разновидность исков, обозначенных английским термином wrongful birth. Это иски о возмещении вреда, причиненного неверным генетическим обследованием или отсутствием генетического обследования родителей или плода. Их предъявляют родители в связи с необходимостью серьезного изменения образа жизни при воспитании ребенка-инвалида, либо сам ребенок по достижении им совершеннолетия [Giesen I., 2009: 257].

ная жизнь и запускается цепь последовательных реакций на основе сначала экспрессии генов генотипа зиготы, а затем генотипов появившихся из нее дочерних соматических клеток [Мутовин Г.Р., 2010: 57].

[2] Ioannes Paulus II Evangelium Vitae. Available at: https://w2.vatican.va/content/john-paul-ii/en/encyclicals/documents/hf_jp-ii_enc_25031995_evangelium-vitae.html; Congregation for the Doctrine of the Faith. Clarification on procured abortion. Available at: https://www.vatican.va/roman_curia/congregations/cfaith/documents/rc_con_cfaith_doc_20090711_aborto-procurato_en.html (дата обращения: 25.04.2024)

При рассмотрении подобных исков вся путаница этических концепций обрушивается на суд, рассматривающий дело. Суду приходится отвечать на вопросы: можно ли рождение ребенка в целом считать действием, причинившем вред, если, например, ошибка в генетическом обследовании родителей привела к рождению ребенка-инвалида, а при правильном генетическом обследовании мать могла бы воспользоваться донорским материалом и родить ребенка, пусть и не полностью здорового, но не страдающего тяжелым неизлечимым генетическим заболеванием. Особенно выразительны этические вопросы при предъявлении исков самим инвалидом. Можно ли считать ошибку в генетическом исследовании вредоносным действием, если даже при правильном генетическом исследовании болезнь все равно не смогли бы вылечить, так что стандартный медицинский совет состоял бы в прерывании беременности по медицинским показаниям?

Необходимо признать, что коль скоро данные отношения, в том числе зачатие и развитие жизни стали в той или иной мере зависимы от воли человека, то правового регулирования не избежать. Вместе с тем регулирование не обязательно должно быть гражданско-правовым. В случае установления общего запрета регулирование может осуществляться только в рамках конституционного и уголовного права.

Однако регулирование отношений по применению вспомогательных репродуктивных технологий (далее — ВРТ) изначально соответствуют всем признакам предмета гражданского права: это отношения между лицами, организационно и административно не подчиненными друг другу (пациент и клиника), это имущественные отношения в части, касающейся возмездной медицинской услуги. Неимущественные отношения, которые также могут возникать (в том числе организационные отношения по поводу медицинской информации) также относятся к сфере не только публичного, но и частного права.

1. Дискуссия о моменте возникновения жизни

Некоторые правопорядки, в основном основанные на культурных традициях католической церкви, признают возникновение жизни с момента зачатия. Авторы, поддерживающие идею признания нерожденного субъектом, дискутируют о моменте начала человеческой жизни. Медицинская наука различает два периода внутриутробного развития: эмбриональный период — от оплодотворения яйцеклетки до 10-й недели акушерского срока, и фетальный (плодный) период, начиная от 11-й акушерской недели. Во время эмбриогенеза происходят оплодотворение, дробление зиготы, имплантация, гаструляция (образование

зародышевых листков), формирование органов, плацентация (процесс закладки частей плаценты и объединение их в единый орган).

Вопрос: какой момент следует считать моментом начала человеческого существа оживленно обсуждается в доктрине[3]. Многие считают, что жизнь образуется в момент оплодотворения — слияния женской и мужской половых клеток, в результате чего восстанавливается диплоидный набор хромосом и формируется качественно новая клетка — зигота, оплодотворенная яйцеклетка[4] [Мутовин Г.Р., 2010: 57]; [Roller M., 2013: 132]. Здесь появляется уникальный генетический код [Schwarz K.-A., 2001:195], который человек (если он появится на свет) пронесет через всю жизнь. Так, по мнению ряда авторов, тот факт, что зигота уже имеет генетический материал, необходимый для формирования человеческого существа, позволяет считать, что человеческая жизнь начинается с момента оплодотворения [Herdegen M., 2001: 773–779]. Все дальнейшие стадии формирования, по мнению этих авторов, служат лишь развитию человеческого существа. В отечественной литературе тоже имеется такая точка зрения. Так, В.А. Лихолая пишет: «Жизнь человека начинается с момента зачатия. В результате слияния мужской и женской гамет образуется новая биологическая суть — зигота с единым ядром, содержащим уникальную, определенную в момент зачатия программу развития новой индивидуальной жизни — нового человеческого индивида со своим генетическим кодом» [Лихолая В.А., 2015: 201].

Многие исследователи, даже не отрицающие возможности «правосубъектности до рождения», не согласны с этим. Основных аргументов всего два, но каждый из них убедителен. Во-первых, примерно каждой второй зиготе не удается внедриться в слизистую матки, поэтому есть вероятность того, что потенциальная жизнь так и останется потенциальной. Во-вторых, соединение яйцеклетки и сперматозоида — не одномоментный процесс, он длится примерно 24 часа [Tur M.Ş., 2021: 132–154]. Какой из этих часов следует считать часом возникновения новой жизни?

Вторая[5] стадия в развитии эмбриона — это имплантация, внедрение с слизистую матки; как и процесс оплодотворения, он не является од-

---

[3] В немецком Законе о защите эмбрионов содержится определение, что под эмбрионом понимается оплодотворенная жизнеспособная яйцеклетка с момента слияния ядер (Embryonenschutzgesetz (ESchG): Закон от 13.12.1990, с изменениями от 21.11.2011. Available at: https://www.buzer.de/gesetz/2831/a173675.htm (дата обращения: 22.08.2024)

[4] Начало развития зиготы — это момент формирования двойного (диплоидного) при встрече двух гаплоидных наборов родительских гамет.

[5] Слово «вторая» здесь, конечно, условно. Учебные пособия по эмбриогенезу насчитывают множество промежуточных стадий между образованием зиготы и внедрением эмбриона в слой эндометрия. Однако полный обзор медицинской литературы не соответствует задачам исследования; предметом анализа являются те пункты, которые чаще всего признаются в доктрине ключевыми в образовании человеческой личности.

номоментным, а длится примерно 6–7 дней. После того, как зигота имплантируется в матку, яйцеклетка и материнский организм синхронизируется, и яйцеклетка получает от материнского организма вещества, необходимые для дальнейшего развития. Некоторые авторы склонны считать именно этот момент моментом начала человеческого существа; это, вероятно, связано с тем, что с момента имплантации эмбриона вероятность его «отбраковки» естественным путем существенно снижается [Rager G., 2016: 136, 139][6]; некоторые с этим не согласны, указывая, что для выживания требуются все дальнейшие стадии нормального развития эмбриона [Гландин С.В., 2014: 136–141]. При дальнейшем развитии медицинских технологий теоретически может стать возможным развитие эмбриона вне тела матери, полностью инвитро. В таком случае придется искать иной момент начала жизни. Целесообразно, конечно, найти такое решение, которое способно выдержать возможные вызовы новых медицинских технологий.

Следующей точкой отсчета может быть гаструляция — образование оси тела и трех слоев клеток (эктодерма, энтодерма и мезодерма) [Федорова М.Г., Латынова И.В., Вишнякова Ж.С., 2022: 32]. Примерно к 14-му дню после оплодотворения утрачивается возможность образования идентичных множественных особей из одной клетки; поэтому на этот момент можно говорить об индивидуализации. До этого момента из одной зиготы может сформироваться два близнеца (пожалуй, уже эта вероятность исключает возможность признания человеческой личности возникающей с момента формирования зиготы). 14-й день развития как ключевой день начала защиты используют, например, некоторые нормативные акты Великобритании, разрешающие проведение исследования на эмбрионах только до 14-го дня со дня оплодотворения и запрещающие после этого дня [Алейникова В.В., 2022: 46–65].

Следующая стадия развития и следующая потенциальная точка отсчета — это формирование нейрулы, когда из эктодермы выделяется нервная пластинка (эта стадия начинается на 16-й день после оплодотворения и заканчивается на 21–22-й день).

Некоторые исследователи, утверждающие, что быть человеком — значит обладать сознанием, чувствовать боль — относят начало жизни к

[6] Это, вероятно, связано с тем, что с момента имплантации эмбриона вероятность его «отбраковки» естественным путем существенно снижается. В одном из судебных актов ЕСПЧ тоже упоминается дискуссия о моменте возникновения жизни, и ЕСПЧ указывает: «Некоторые считают — с момента зачатия, некоторые — с момента имплантации, некоторые — с момента, когда плод становится жизнеспособным, а некоторые — с момента рождения». См.: European Court of Human Rights. X. v. United Kingdom. Application N 8416/79. Judgment of 13 May 1980.

этому моменту как к самому первому моменту формированию нервной системы [Viebahn C., 2003: 269–278]. Некоторые с этим не согласны, указывая, что формирование нервной системы — это длительный процесс, он даже не заканчивается рождением (отделением плода от тела матери) [Tur M.Ş., 2021: 132–154]. Иногда считают момент формирования мозга началом человеческого существа. Например, Р. Андорно отметил, что «мы говорим о постоянном развитии, и не стоит ждать каких-либо революционных преображений после оплодотворения. Это та же самая сущность, которая растет и развивается. Например, сердце начинает биться очень рано, на 21-й день. Нервная система также формируется на второй неделе. Есть точка зрения, что эмбрион можно защищать только через 14 дней после зачатия, а до этого момента мы имеем дело с «предэмбрионом»; цит. по: [Верещагин А., 2020: 8–25].

Установлено, что на 5–6-й неделях развития интенсивно развивается нервная система и быстро растет мозг [Dreier H., 2002: 377–424], но и этот момент многие отвергают как недостаточно определенный [Beckmann R., 2003: 97–101].

У Х. Драйера есть интересная теория о поэтапном возникновении правосубъектности. Он пишет, что правоспособность зиготы не равна правоспособности восьмимесячного плода, способного выжить вне тела матери. Автор прослеживает увеличение защита человеческой жизни до рождения и делает вывод, что «использование избыточных эмбрионов не равно экспериментам над людьми»; защита права на жизнь увеличивается по мере развития эмбриона и плода в утробе матери, пока не трансформируется в право на жизнь в строгом смысле этого слова при рождении [Dreier H., 2002: 377–424].

Следующий момент, который предлагается в литературе в качестве точки начала квази-правоспособности — это 12 недель развития, поскольку, по мнению авторов, «… на данном этапе эмбрион приобретает человеческий облик» [Федосеева Н.Н., Фролова Е.А., 2008: 36–40].

Следующий важный момент — момент, когда плод обретает возможность выжить вне тела матери. С развитием медицины время выживаемости плода переносится на более ранние сроки, в настоящее время он составляет приблизительно 20–22 недели с момента зачатия. Однако выживание недоношенного младенца сильно зависит от аппаратуры, которая имеется в медицинском учреждении, поэтому и этот вариант критикуется как неточный.

Как видим, процесс формирования человеческой жизни — это именно процесс, а не момент; установление в нем одного какого-то пункта может быть только результатом общей договоренности, традиции, сформировавшейся в обществе. Сейчас эта традиция находится в са-

мом начале формирования (если допустить, что ранее установленный момент начала правосубъектности — момент рождения — нуждается в пересмотре). В связи с длительностью процесса формирования биологически уникального человеческого организма в доктрине возникла концепция «увеличивающейся правоспособности». Так, по мнению Х. Драйера, правовая защита эмбриона и плода проходит несколько ступеней от момента зачатия до момента рождения, и с момента рождения превращается в право на жизнь в строгом смысле этого слова [Dreier H., 2002: 377–442]. Концепция Драйера создана в основном для уголовного права, но она, вероятно, имеет познавательную ценность и для гражданского права, например, при решении вопроса, допускается ли уничтожение избыточно созданных в ходе ВРТ эмбрионов.

Концепция увеличивающейся охраны сама по себе не конкурирует с классическим представлением о неправосубъектности насцитуруса. Насцитурус (лат.: nasciturus) — это плод в чреве матери. По наиболее распространенному в отечественной литературе мнению [Шершеневич Г.Ф., 2001: 80, 638]; [Гонгало Б.М., 2020: 136]; [Белова Д.А., 2020: 6–8]; [Сергеева Е.С., 2023: 7–11], насцитурус не является субъектом права. При этом допускаются меры предварительной охраны. Так, законодатель закрепляет в ст. 1166 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ; ГК) механизм защиты будущих прав будущего ребенка в наследственных правоотношениях. В судебной практике постепенно выявляются другие отношения, в которых также в центре внимания оказывается интерес будущего лица: деликтные обязательства[7], пенсионные правоотношения[8] и т.д. Но во всех этих случаях речь идет именно о защите прав будущего ребенка, принимаемых предварительно, еще до появления управомоченного лица, а не о частичной правосубъектности уже существующего насцитуруса. Пожалуй, концепция увеличивающейся охраны, автором которой является Х. Драйер, сама по себе не способна изменить понятия о насцитурусе, поскольку две эти теории, во-первых, касаются разных защищаемых гражданским правом благ (теория Драйера говорит об увеличивающейся охране жизни человека, а теория насцитуруса прослеживает судьбу имущественных правоотно-

[7] По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 17 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.В. Григорьевой: Постановление Конституционного Суда РФ от 02.03.2023 № 7-П // СЗ РФ. 2023. № 11. Ст. 1868.

[8] 22 октября 2024 года состоялось слушание дела о проверке конституционности положений частей 1 и 3 статьи 10 Федерального закона «О страховых пенсиях» в связи с жалобой гражданки М.Ю. Щаниковой на нарушение прав ее несовершеннолетних детей. Available at: URL.: https://ksrf.ru/ru/News/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=3885 (дата обращения: 27.10.2024)

шений), во-вторых, обе эти теории не отрицают целесообразности предварительной охраны интересов будущего субъекта.

Наконец, самым точным моментом, с которым можно связать начало уникальной человеческой личности, является момент рождения — отделения плода от тела матери при наличии признаков рождения живым. Момент рождения и объявлен моментом начала правоспособности в действующем отечественном законодательстве (ст. 17 ГК).

Итак, формирование человека от оплодотворенной яйцеклетки до младенца, способного выжить вне тела матери — процесс непрерывный и очень постепенный. Какой-то отдельный момент в этом процессе может быть взят и объявлен началом человеческой жизни только в результате общего согласия или в результате действия исторической традиции. Момент отделения ребенка от тела матери — это как раз такая историческая традиция. С этого момента предварительные меры охраны интересов будущего ребенка меняются на охрану прав появившегося субъекта права. Но и здесь абсолютная определенность до сих пор не достигнута, поскольку признаки рождения живым определены ведомственным актом и установлены не совсем последовательно.

2. Критерии рождения живым

Данные критерии в российском праве установлены ведомственным нормативным актом[9]: «Моментом рождения ребенка является момент отделения плода от организма матери посредством родов». Можно обсуждать, насколько допустимо важнейший вопрос, связанный с правосубъектностью граждан, решать в ведомственном акте. Здесь есть доводы «за» и «против». Основным доводом «за» является возможность легко изменять регулирование по мере совершенствования медицинских технологий.

Доводами «против» являются следующие. Во-первых, недостаточная юридическая техника ведомственного акта, где, в частности, используются пересекающиеся категории «живорождение» и «медицинские критерии рождения». Во-вторых, наличие в Приказе № 1687н спорного указания о том, что при сроке беременности менее 22 недель или массе тела ребенка при рождении менее 500 г, или (если масса тела ребенка при рождении неизвестна) длине тела ребенка при рождении менее 25 см, «ребенок считается родившимся живым при продолжительности жизни более 168 часов после рождения» (семь суток). Правило о 168 ча-

[9] Приказ Минздравсоцразвития России от 27.12.2011 № 1687н (ред. от 13.10.2021) «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи» Зарегистрировано в Минюсте России 15.03.2012 № 23490; далее — Приказ №1687н) // Российская газета. 2012. № 64.

сах критикуется в доктрине [Коробеев А.И., Ширшов А.А. 2020: 64–72]. В отношении глубоко недоношенных детей событием рождения является (в результате применения правила о 168 часах) не момент отделения от тела матери, а успех реанимационных мероприятий и жизнь такого ребенка не менее чем в течение 168 часов после отделения от тела матери, это правило способно очень специфично вмешаться в регулирование наследственных, деликтных и некоторых иных отношений.

3. Правовая природа эмбриона in vitro

При использовании вспомогательных репродуктивных технологий отношения усложняются тем, что оплодотворенная яйцеклетка (в сложившейся терминологии — эмбрион инвитро) может быть криоконсервирован с целью дальнейшей имплантации его в тело биологической или суррогатной матери. С момента криоконсервации до момента действительной имплантации могут пройти годы и даже десятилетия; в этот период возникает множество правовых вопросов, прежде всего, цивилистических.

О правовой природе эмбриона in vitro в иностранной [Roller M., 2013: 132] и отечественной [Богданова Е.Е., 2019: 28–32] литературе высказаны две основные точки зрения. Согласно первой эмбрион, созданный in vitro, представляет собой квази-субъект права. За ним закрепляется право на жизнь, к передаче донорского эмбриона применяется термин «усыновление» [Winfield P.H., 1942: 76–91]. При этом в гражданском обороте эмбрион не участвует, не может быть наследником, не может иметь иных (кроме права на жизнь) прав, не может иметь обязанностей. Эта точка зрения весьма распространена в немецкой и итальянской литературе, известна в доктрине США, имеет сторонников в российском праве. Так, А.Н. Левушкин частично поддерживает эту концепцию, поскольку пишет, что «установление специальных механизмов защиты прав нерожденного ребенка позволит обеспечить более эффективные гражданско-правовые гарантии права на жизнь и здоровье ребенка в медицинской практике» [Левушкин А.Н., 2019: 18–23].

Вторая точка зрения: эмбрион in vitro — это вещь и к нему должны применяться все нормы гражданского права о вещах [Дружинина Ю.Ф., 2017: 129–140]. Л.А. Новоселова делает обобщающий вывод о правовой природе половых клеток, органов, переданных для трансплантации и эмбрионов: «Указание на его [биоматериала] хранение (возмездное) и перевозку позволяет говорить о рассмотрении таких объектов в качестве вещей. Полученный биоматериал следует признавать объектом права собственности донора» [Новоселова Л.А., 2021: 115–130].

Возможен промежуточный компромиссный вариант. Эмбрион in vitro — объект особого рода, не вещь, поскольку несет в себе генетическую программу будущего субъекта и может при надлежащем с ним обращении (имплантации, вынашивании, рождении) стать субъектом права. Но это несуществующий субъект, поскольку, во-первых, он еще не обладает сознанием и волей, во-вторых, даже появление сознания и воли зависит от массы случайных факторов (успеха или безуспешности имплантации, состояния здоровья матери).

Возможный вывод, следовательно, может состоять в том, что эмбрион in vitro — объект особого рода, содержащий уникальную генетическую программу будущего субъекта права. Эмбрион, созданный in vitro, должен охраняться не как существующая человеческая жизнь, но как возможность человеческой жизни. Поэтому законодательство устанавливает особые требования к использованию эмбрионов[10]. Кроме того, характеристика эмбриона как особого объекта гражданских прав, вероятно, позволяет сделать вывод о том, что этот объект не входит в состав наследства.

4. Влияние на патентное право

С особыми свойствами эмбриона нести в себе всю ДНК-программу будущей человеческой жизни связан предусмотренный ст. 1349 ГК запрет (согласно этой статье не могут быть объектами патентных прав способы модификации генетической целостности клеток зародышевой линии человека). В одном из споров заявителя с Роспатентом речь шла об отказе в выдаче патента на способ редактирования конкретного гена для исправления патогенного варианта в ооцитах человека, культивируемых in vitro. Заявителю было отказано в выдаче патента в связи с тем, что «… полученные заявителем модифицированные клетки имеют измененный, не существующий в природе геном. При этом вносимые изменения будут сохраняться в геноме как на более поздних стадиях развития эмбриона, так и в геноме взрослой человеческой особи, имеющей половые клетки с соответствующими генетическими изменениями»[11]. Поэтому Роспатент сделал вывод, что заявленный способ предназначен

[10] В частности, запрет создания эмбриона человека в целях производства биомедицинских клеточных продуктов. См.: п. 3 ст. 3 Федерального закона от 23.06.2016 № 180-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О биомедицинских клеточных продуктах» // Российская газета. 2016. № 139.

[11] Заключение Палаты по патентным спорам от 13.09.2023. Приложение к решению Роспатента от 30.10.2023 по заявке № 2021139313/10. Об отказе в выдаче патента на изобретение // СПС КонсультантПлюс.

для внесения изменений в геном эмбриональных клеток человека, в то время как в соответствии с п. 4 ст. 1349 не могут быть объектами патентных прав способы модификации генетической целостности клеток зародышевой линии человека.

Заявитель в своих возражениях указывал, что изменения касаются самой ранней стадии единственной клетки зиготы, до начала ее деления и образования клеток зародышевой линии. Однако Федеральная служба по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам истолковала ст. 1349 ГК скорее телеологически, указывая, что «получаемый новый эмбрион (организм) на всех стадиях его развития будет являться новым, генетически модифицированным», и оставила в силе отказ в выдаче патента. В данном случае заявленный способ был направлен на лечение генетически обусловленной глухоты.

В другом подобном споре, где предметом заявки был способ воздействия на зиготы с целью создания у человека повышенной устойчивости против заболевания ВИЧ, Суд по интеллектуальным правам, исследовав доводы заявителя и Роспатента, установил, что заявленный способ призван воздействовать на будущий эмбрион в пятые сутки развития (стадия бластоцисты), сохраняется при дальнейшем его развитии и закрепляется на весь период жизни человека. Суд согласился с доводами Роспатента о том, что это решение не может защищаться, поскольку не могут быть объектами патентных прав способы модификации генетической целостности клеток зародышевой линии человека.

5. Правовая природа репродуктивных клеток

Относительно ооцита[12] и спермы можно утверждать, что это объекты гражданских правоотношений. Но нужно выяснить, является ли данный объект объектом особого рода или его следует отнести к вещам. Решение такого вопроса, в частности, повлияет на решение вопроса, входит ли подобный объект в состав наследственной массы. Есть основания полагать, что это вещь, но вещь особого рода, использование которой должно осуществляться с тем, что материал несет в себе генетическую

[12] В подзаконных нормативных правовых актах обычно используется термин «ооцит» как более широкий синоним термину «яйцеклетка». См., напр.: приложение № 5 к Приказу Минздрава России от 31.07.2020 № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению, Зарегистрировано в Минюсте России 19.10.2020 № 60457 / Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 19.10.2020. В медицине и биологии различаются ооциты первого порядка — это клетки-предшественницы яйцеклеток, и ооциты второго порядка — это ооциты, достигшие в своем развитии стадии, когда они пригодны к оплодотворению. Последние также могут быть названы «яйцеклетки».

информацию донора. Защищая автономию личности гражданина, нужно позволить ему самому распоряжаться информацией о себе: так, он может быть донором без установления каких-либо ограничений, тогда границы использования определяются императивными требованиями закона и правила общественной морали. В частности, нельзя использовать такие клетки для клонирования (императивный законодательный запрет), нельзя осуществить оплодотворение близкого родственника (запрет, установленный правилами морали).

6. Информация о доноре

К вопросу о правовой природе репродуктивных клеток тесно примыкает вопрос: следует ли обязывать медицинскую организацию собирать такую информацию о доноре, которая позволила бы при необходимости лечения ребенка от генетических болезней запросить у донора дополнительные сведения о состоянии его здоровья, выявленных заболеваниях и т.д.

Здесь налицо несколько противоборствующих интересов. Во-первых, донор спермы или ооцитов может быть заинтересован в анонимности донорства. Во-вторых, родители ребенка могут быть заинтересованы оставить в тайне подробности медицинских процедур, приведших к зачатию и рождению ребенка. Вместе с тем, в случае обнаружения у ребенка генетического заболевания может потребоваться генетическое обследование биологического «родителя».

Действующее законодательство пытается предотвратить такую ситуацию, требуя генетического обследования потенциальных доноров, но это не отменяет, а только смягчает проблему. Во-первых, обследование обычно учитывает самые тяжелые и при этом самые распространенные болезни, передающиеся генетически. Что касается «орфанных»[13] (редких) генетических заболеваний, то для выявления всех их требуется долгое и дорогое обследование. Во-вторых, медицинские знания развиваются, поэтому впоследствии ребенку, возможно, понадобится такое обследование биологического «родителя», о котором в период донорских отношений никто не знал и не мог знать.

Отечественная судебное практика[14] и доктрина [Подрабинок Е.М., 2012: 599] уже обращали внимание на то, что гражданин заинтересо-

[13] Термин «орфанные», т.е. «сиротские» применительно к редким генетическим заболеваниям появился в связи с тем, что некоторые из этих заболеваний долго не привлекали внимание исследователей.

[14] См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2018), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.11.2018, ред. от 26.12.2018 // Бюллетень ВС РФ. 2019 № 5, 6.

ван знать о своем происхождении и что такая информация может быть полезной для лечения генетических болезней. Вместе с тем этот вывод касался ситуации, когда необходимо раскрыть тайну усыновления для того, чтобы информировать усыновленного о его происхождении. В решении Верховного Суда России от 13.01.2011 № ГКПИ10-1601[15] сказано, что сведения о личности донора составляют врачебную тайну. Женщина имеет право на информацию о процедуре искусственного оплодотворения и имплантации эмбриона, о медицинских и правовых аспектах ее последствий, о данных медико-генетического обследования, внешних данных и национальности донора, предоставляемую врачом, осуществляющим медицинское вмешательство. Перечень сведений является исчерпывающим. В этом судебном акте сделан вывод, почти соответствующий требованиям к афоризму: «Женщина, родившая ребенка в результате искусственного оплодотворения, и донор не вступают друг с другом в какие-либо правоотношения». В акте упоминается политико-правовое обоснование такого решения — это делается для того, чтобы исключить иски об отцовстве, предъявленные донору.

Вместе с тем отечественное законодательство, в том числе и ст. 55 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»[16] не исключает, что женщина, проходящая лечение от бесплодия, при необходимости использования донорских ооцитов или донорской спермы найдет донора самостоятельно, а значит, донорство не будет анонимным. В пп. 44 и 54 Приказа Минздрава России от 31.07.2020 № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению»[17] упоминается, что донорство может быть анонимным или не анонимным.

Проблема известна многим законодателям. Исследователи отмечают, что французское законодательство исходит из абсолютной анонимности донорства, а испанское законодательство допускает получение информации о личности донора, если жизни ребенка угрожает опасность [Лебедева О.Ю., 2013: 32–35]. Следует обратить внимание на относительно новое немецкое законодательство, ранее не обобщавшееся в отечественной доктрине. В ФРГ с 1 июля 2022 г. действует Закон о реестре доноров спермы (Samenspenderregistergesetz), целью которого являются хранение и защита информации о согласии на донорство и об использо-

[15] Решение Верховного Суда РФ от 13.01.2011 № ГКПИ10-1601 // СПС КонсультантПлюс.

[16] С изм. от 26.09.2024 // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

[17] Зарегистрировано в Минюсте России 19.10.2020 № 60457.

вании криоконсервированного генетического материала. Закон позволяет лицам, зачатым с использованием вспомогательных репродуктивных технологий, осуществить право на получение информации о своем биологическом происхождении. Закон призван также создать организационные предпосылки и определить порядок получения такой информации (п. 2 ст. 1).

Реестр доноров спермы создается и ведется в Германии Федеральным институтом лекарственных средств и медицинских изделий[18] (п. 1 ст. 1 Закона с изменениями от 26.05.2020). Информация хранится в течение 110 лет и доступна по письменному запросу лица, достигшего 16 лет, или по письменному запросу законного представителя такого лица, и только если гражданин действительно зачат в результате применения вспомогательных репродуктивных технологий с использованием донорской спермы. Поскольку Закон касается передачи, хотя и в защищенной форме, персональных данных, то его нормы не имеют обратной силы и применяются только к случаям, когда согласие на донорство было дано после вступления в силу этого Закона с соответствующим разъяснением донору спермы, а также потенциальной матери, норм и правил Закона. Немецкий опыт показывает, что и при отсутствии анонимности отношения донорства не аннулируются. Вместе с тем тот же опыт показывает, что доступ к данным о доноре ограничен: только по мотивированному ходатайству совершеннолетнего лица и только при посредстве либо управомоченного органа, либо медицинский организации.

Отечественное законодательство исходит из общего правила об анонимности донорства. Согласно п. 8 ст. 55 Федерального закона № 323-ФЗ[19] при использовании донорских половых клеток и эмбрионов граждане имеют право на получение информации о результатах медицинского, медико-генетического обследования донора, о его расе и национальности, а также о внешних данных. Другая информация не может быть затребована у донора. Это, в частности, означает, что медицинская организация не обязана хранить сведения по вопросам, выходящим за рамки перечня, предусмотренного п. 8 ст. 55. Насколько это правильно, трудно сказать.

С одной стороны, необходимость раскрытия большей информации может снизить количество потенциальных доноров; кроме того, есть вероятность, что доступность информации о личности донора может

[18] Bundesinstitut für Arzneimittel und Medizinprodukte. Samenspenderregistergesetz от 17.07.2017; с изм. от 28.04.2020, действует с 01.07.2018. Available at: https://www.buzer.de/1_SaRegG_Samenspenderregistergesetz.htm (дата обращения: 22.08.2024)

[19] СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

увеличить число исков об установлении отцовства, в том числе недобросовестных. С другой стороны, в будущем для лечения гражданина могут потребоваться сведения медицинского характера, которые можно было бы получить при наличии информации у медицинской организации. Пока этот вопрос остается открытым.

7. Дозволение или запрет использования эмбриона in vitro в научных исследованиях

Еще одной правовой проблемой, связанной с особой правовой природой эмбриона, в том числе эмбриона, созданного инвитро, является дозволение или запрет использования эмбрионов в научных целях. В п. 5 ст. 3 Закона о биомедицинских клеточных продуктах[20] установлена «недопустимость использования для разработки, производства и применения биомедицинских клеточных продуктов биологического материала, полученного путем прерывания процесса развития эмбриона или плода человека или нарушения такого процесса».

В.В. Алейникова считает, что «ограничений на создание эмбрионов, а равно использование их в иных исследовательских целях (редактирование генома, преимплантационная диагностика) не предусмотрено. Отсутствие закрепленного законом запретительного подхода на практике порождает дозволительный подход, который вызывает ожесточенные дискуссии с точки зрения медицины, этики и права» [Алейникова В.В., 2022: 46–65]. В ст. 18 Конвенции о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины[21] вопрос о допустимости или недопустимости исследований на эмбрионах in vitro оставлен на усмотрение национального законодателя, и отмечается только, что когда «… закон разрешает проводить исследования на эмбрионах in vitro, он же должен предусматривать надлежащую защиту этого эмбриона» (п. 1 ст. 18), и создание эмбрионов человека в исследовательских целях запрещается (п. 2 ст. 18).

Вероятно, нужно различать диагностику, которая осуществляется перед имплантацией эмбриона, и исследования, при которых эмбрионы используются в качестве объектов эксперимента. В первом случае диагностика может быть признана допустимой даже при том, что один созданный инвитро эмбрион может быть уничтожен для того, чтобы

[20] О биомедицинских клеточных продуктах: Федеральный закон от 23.06.2016. № 180-ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 26 (Часть I). Ст. 3849.

[21] Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине (ETS № 164). Заключена в Овьедо 04.04.1997 // СПС Консультант плюс.

другой получил больше шансов на жизнь. Морально-этическое обоснование этого вывода может состоять в том, что речь идет об эмбрионе на стадии до его имплантации в матку, т.е. буквально о нескольких клетках.

Тем не менее немецкий законодатель допускает такую диагностику только при наличии серьезных показаний, которые можно подразделить на две группы: (1) если из-за генетического заболевания отца или матери имеется серьезный риск передачи болезни ребенку (в таком случае допускается проведение исследования с целью выбрать здоровый эмбрион, а тот эмбрион, который находится «под сомнением» может быть подвергнут исследованиям); (2) если имеется риск повреждения эмбриона, что может привести к мертворождению (тогда предполагаются способы исследования, которые не приведут к гибели эмбриона). Это правило с 1990 г. предусмотрено п. 3 ст. 3а немецкого Закона о защите эмбрионов[22]. В 2018 г. появилось разъяснение процедуры применения данного правила: чтобы выяснить, есть ли серьезные основания для исследования, особенно в случаях, когда исследование может привести к уничтожению одного из эмбрионов, пациентка или лечащий врач должны обратиться с заявлением в Комитет по этике[23]. Комитет должен уточнить, есть ли показания к исследованию, и сравнить риск для эмбриона и риск здоровью ребенка и матери, если диагностика не будет проведена.

Во втором случае (исследование эмбриона ради науки, в результате которого эмбрион может быть уничтожен), использование эмбрионов неприемлемо (§5 ESchG), при этом запрещается искусственное изменение генетической информации зародышевой клетки человека и использование зародышевой клетки с искусственно модифицированной генетической информацией.

В России правила редукции эмбрионов и даже плода довольно просты: требуются медицинские показания и согласие матери. Эти правила исходят из представления о том, что до момента рождения эмбрион и плод в теле матери — это часть тела матери. Данная концепция (ранее повсеместно распространенная) признана ошибочной в немецкой литературе [Roller M., 2016: 189–216.], но надо признать, что она интуитивно понятна и позволяет принимать оперативные решения, касающиеся лечения плода.

---

[22] Embryonenschutzgesetz (ESchG): Закон от 13.12.1990 с изменениями от 21.11.2011. Available at: https://www.buzer.de/gesetz/2831/a173675.htm (дата обращения: 02.06.2024)

[23] Это установлено в § 4 Постановления о порядке предимплантационной диагностики (Präimplantationsdiagnostikverordnung от 21.02.2013 с изм. от 02.07.2018. Available at: https://www.buzer.de/gesetz/10518/a179735.htm?m=a173675a (дата обращения: 02.06.2024)

8. Ответственность за недостаточную информацию

При характеристике своеобразной системы, которую составляют мать и плод в период беременности, нельзя не упомянуть еще один юридический аспект — это иски о вредоносном сохранении жизни (wrongful life) и вредоносном рождении (wrongful birth), связанные с рождением ребенка с тяжелой инвалидностью в случае, когда медицинская организация не сообщила информации о возможных осложнениях (wrongful birth) или когда мать приняла решение о сохранение беременности, несмотря на риски (wrongful life). В последнем случае имеется в виду иск, предъявленный ребенком, родившимся с тяжелой формой инвалидности, к матери. Идея такого иска вызывает отторжение: рождение нельзя считать противоправным действием, а полученную жизнь — вредом. Страны, допускающие прерывание беременности по медицинским показаниям, признают прерывание правом, а не обязанностью женщины. Поэтому иски о «вредоносной жизни» как иски ребенка к матери вряд ли имеют право на существование.

Несколько иначе можно рассмотреть иски родителей или самих граждан, страдающих тяжелыми и неизлечимыми врожденными заболеваниями к медицинской организации, которая, оказывая услуги, не выявила болезни (при том, что при ее своевременном выявлении болезнь была бы основанием прерывания беременности по медицинским основаниям). Особенность таких исков и их отличие от всех других случаев медицинской ответственности состоит в представлении истца о причинно-следственной связи. В таких исках обычно говорится, что если бы информация о вероятном или даже неизбежном тяжелом заболевании эмбриона или плода была бы сообщена, мать приняла бы решение о прерывании беременности по медицинским показаниям.

Эти иски, часто называемые исками о «вредоносном рождении», связаны с несколько странным (но тем не менее обсуждающимся в литературе) вопросом — может ли рождение ребенка восприниматься в качестве вреда. Т. Винтер правильно отмечает, что с ветхозаветных времен рождение ребенка воспринималось как счастье и радость, поэтому характеристика новой жизни как приносящей вред противоречит внутреннему чувству справедливости [Winter T., 2002: 13–14, 19].

В одном из ключевых дел, рассмотренных Верховным судом Германии[24], обстоятельства были следующими: мать в период беременности заболела краснухой и лечащий врач не предупредил ее о рисках плоду,

[24] BGH, Urt. v. 18. Januar 1983, VI ZR 114/81. Available at: URL: https://www.prinz.law/urteile/bgh/VI_ZR_114-81 (дата обращения 02.06.2024)

не выявил заболевания плода, в результате чего допустимый при таком повреждении плода аборт по медицинским показаниям не был выполнен. Ребенок родился с серьезными повреждениями. Суд отказал ребенку в его требованиях к врачу о возмещении ущерба, отметив, что нет общепринятого ответа на вопрос, что лучше — жить с тяжелой формой инвалидности или совсем не жить, соответственно, суд не может признать, что сохранение жизни представляло собой вред в юридическом значении этого слова. В целом, люди должны принять свою жизнь такой, какой она задумана природой, — рассуждает суд. Кроме того, суд отметил, что «ребенок не имеет права на несуществование». В 1993 г. Конституционный суд Германии подтвердил, что существование ребенка не может оцениваться как источник вреда (ст. 1 Основного закона ФРГ)[25].

Иск о вредоносном рождении является одним из частных случаев ответственности за вред, причиненный при оказании медицинских услуг, и (как и всегда при рассмотрении иска о возмещении вреда) имеют значение основание и условия ответственности. В частности, при выяснении вопроса о том, было ли действие или бездействие врача противоправным, нужно выяснить, были ли применены необходимые средства диагностики, и можно ли было (при современном уровне развития медицинской науки) предвидеть тяжелое заболевание плода, а затем — ребенка.

В качестве иска о вредоносном рождении в 2019 г. Верховный суд Германии обозначил также иск, предъявленный родственником пожилого пациента к медицинскому учреждению в связи с тем, что медицинское учреждение, по мнению истца, слишком долго держало умирающего пациента на аппарате жизнеобеспечения, чем продлевало его страдания. Распоряжения на случай болезни пациент не оставил (для немецкого права в 2019 г. это обстоятельство уже имело значение). Суд в иске отказал, подчеркнув, что действия больницы были правомерными. Судьи указали, что «человеческая жизнь является высшей правовой ценностью и безусловно достойна сохранения, никакое третье лицо не вправе судить о ценности чей-то жизни; поэтому нельзя рассматривать жизнь, даже полную боли и страданий, как вред. Таким образом, обязанность компенсации морального вреда отсутствует в случае поддержания жизни пациента»[26]. Это решение интересно тем, что в нем правильно подчеркивается ценность жизни.

---

[25] См.: п. 14 Решения Конституционного суда ФРГ от 28.05.1993. BVerfG, 28.05.1993. Available at: https://dejure.org/dienste/vernetzung/rechtsprechung?Text=BVerfGE%2088,%20203 (дата обращения 02.06.2024)

[26] BGH, решение от 02.04.2019 VI ZR 13/18. Available at: https://openjur.de/u/2171851.html (дата обращения 03.06.2024)

Заключение

Современная наука позволяет проследить формирование жизни от момента зарождения до момента первых признаков рождения живым. Есть публичный интерес в формировании человеческой личности в максимально благоприятных условиях, есть, несомненно, законный интерес родителей в рождении здорового ребенка, и они подлежат охране; есть и личные неимущественные права, которые следует считать нарушенными и в том случае, когда противоправное действие имело место до рождения ребенка. Если противоправное действие, имевшее место в период беременности матери, сказалось на здоровье ребенка, ребенок имеет право требовать возмещения вреда, причиненного здоровью.

Концепция «ступенчатого развития правоспособности», предложенная в немецкой цивилистике, в целом может быть воспринята и отечественной доктриной, если речь идет об оценке вероятности возникновения будущего субъекта права. Отечественная судебная практика также учитывает потребность охраны будущей жизни, в том числе и в рамках деликтных обязательств.

Признавая дискуссионный характер вопроса о правовой природе человеческого эмбриона в состоянии вне тела матери (инвитро), автор предлагает считать, что он не является вещью, но является особым объектом гражданских прав, неразрывно связанным с личными нематериальными благами его родителей, в том числе с их правом знать своих потомков.

Вопрос о правовой природе репродуктивных клеток человека также относится к числу дискуссионных; в работе сделан вывод, что такие клетки составляют особую разновидность вещей. Различие в решении вопроса о правовой природе эмбриона и вопроса о правовой природе репродуктивных клеток обусловлено тем, что о репродуктивных клетках нельзя сказать, что вся генетическая информация, необходимая для будущего человеческого существа, уже имеется в данном объекте. Тем не менее генетическая информация потенциального родителя сохраняется в репродуктивной клетке, поэтому добровольное информированное согласие на донорство должно быть испрошено как в случае передачи реципиенту эмбриона инвитро, так и в случае передачи реципиенту репродуктивной клетки.

Вопрос о праве ребенка, при зачатии которого использованы донорские репродуктивные клетки, знать свое происхождение, также относится к числу спорных. В ряде стран законодательно предусмотрена возможность получения полной информации о доноре репродуктивной клетки, если эта информация нужна для лечения ребенка, зачатого с ис-

пользованием репродуктивной клетки. При этом российское правило об анонимном донорстве также имеет положительные черты.

Список источников

1. Алейникова В.В. Гражданско-правовое положение эмбрионов: в поисках баланса интересов // Закон. 2022. № 12. С. 46–65.

2. Белова Д.А. Проблемы правового статуса эмбриона // Семейное и жилищное право. 2020. № 3. С. 6–8.

3. Богданова Е.Е. О правах на биоматериал человека // Гражданское право. 2019. № 4. С. 28–32.

4. Верещагин А. Суррогатное материнство ведет к смешению людей и вещей. (Интервью с Р. Андорно) // Закон. 2020. № 7. С. 8–25.

5. Гландин С.В. О статусе эмбриона человека в свете права на уважение личной и семейной жизни в европейском и российском праве // Закон. 2014. № 4. С. 136–141.

6. Гонгало Б.М. Избранное: сборник научных трудов. Т. 5. М.: Статут, 2021. 310 с.

7. Гонгало Б.М. Правосубъектность гражданина / Гражданское право социального государства: сборник статей. М.: Статут, 2020. С. 136–148.

8. Дружинина Ю.Ф. Правовой режим эмбриона in vitro // Журнал российского права. 2017. № 12. С. 129–140.

9. Коробеев А.И., Ширшов А.А. Критерии живорождения при определении жизни как объекта уголовно-правовой охраны // Lex russica. 2020. № 5. С. 64–72.

10. Лебедева О.Ю. Проблемы, возникающие при установлении происхождения детей, рожденных при помощи методов вспомогательной репродукции: обзор законодательства и правоприменительной практики стран Европы, Канады и США // Семейное и жилищное право. 2013. № 5. С. 32–35.

11. Левушкин А.Н. Неродившиеся дети: учет интересов и прав в гражданском обороте и медицинской практике // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 6. С. 18–23.

12. Лихолая В.А. Проблемы соотношения биомедицинской этики и правового регулирования в области защиты неродившейся жизни / Биомедицинское право в России и за рубежом. М.: Проспект, 2015. С. 271–282.

13. Мутовин Г.Р. Клиническая генетика. Геномика и протеомика наследственной патологии. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. 832 с.

14. Новоселова Л.А. Распоряжение телом человека: гражданско-правовой аспект // Закон. 2021. № 8. С. 115–130.

15. Подрабинок Е.М. Комментарий к главе V Закона об актах гражданского состояния / Постатейный комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации, Федеральному закону «Об опеке и попечительстве» и Федеральному закону «Об актах гражданского состояния» / под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2012. С. 592–600.

16. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Петроград: Изд-во Юридического книжного склада «Право», 1917. 327 с.

17. Сергеева Е.С. Защита интересов неродившегося ребенка в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 9. С. 7–11.

18. Федорова М.Г., Латынова И.В., Вишнякова Ж.С. Эмбриогенез. Пенза: Изд-во ПГУ, 2022. 60 с.

19. Федосеева Н.Н., Фролова Е.А. Проблема определения правового статуса эмбриона в международном и российском праве // Медицинское право. 2008. № 1. С. 36–40.

20. Шершеневич Г.Ф. Курс гражданского права. Тула: Автограф, 2001. 720 с.

21. Beckmann R. Wachsendes Lebensrecht? Erwiderung zu Dreier. Zeitschrift für Rechtspolitik, 2003, no. 3, S. 97–101.

22. Dreier H. Stufungen des vorgeburtlichen Lebensschutzes. Zeitschrift für Rechtspolitik mit Rechtspolitischer Umschau, 2002, no. 9, S. 377–424.

23. Herdegen M. Die Menschenwürde im Fluß des Bioethischen Diskurses. Juristen Zeitung, 2001, no. 15, S. 773–779.

24. Quaas A.M. A new global perspective: Geographic variations in the use of preimplantation genetic technologies to screen human embryos. In: Human Embryos and Preimplantation Genetic Technologies. Ethical, Social, and Public Policy Aspects. London: Academic Press, 2019. S. 23–28.

25. Rager G. Der Anfang des individuellen menschlichen Lebens. Zeitschrift für Lebensrecht, 2016, no. 4, S. 134–142.

26. Roller M. Die Rechtsfähigkeit des Nasciturus. Series: Schriften zum Bürgerlichen Recht. Band 43. Berlin: Duncker & Humboldt, 2013. 266 S.

27. Schwarz K.-A. Therapeutisches Klonen–ein Angriff auf Lebensrecht und Menschenwürde des Embryos? Kritische Vierteljahresschrift für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft, 2001, no. 84, S. 182–210.

28. Tur M.Ş. Wann Beginnt das menschliche Leben? In: Lebensschutz für den Embryo in Vitro. In: Schriften zum Strafrecht, 2021, no. 374, S. 132–154.

29. Viebahn C. Eine Skizze der embryonalen Frühentwicklung des Menschen. In: Der moralische Status menschlicher Embryonen. Pro und contra Spezies-, Kontinuums-, Identitäts- und Potentialitätsargument. Berlin: Walter de Gruyter, 2003, S. 269–278.

30. Winfield P.H. The Unborn Child. Cambridge Law Journal, 1942, no. 8, pp. 76–91.

31. Winter T. «Bébé prejudice» und «Kind als Schaden». Eine rechtsvergleichende Untersuchung zur Haftung für neues Leben in Deutschland und Frankreich. Berlin: Duncker und Humboldt, 2002. 194 S.

References

1. Aleynikova V.V. (2022) The civil status of embryos: in search of a balance of interests. *Zakon*=Law, no. 12, pp. 46–65 (in Russ.)

2. Beckmann R. (2003) A growing right to life? Reply to Dreier. *Journal of Legal Policy*, no. 3, pp. 97–101.

3. Belova D.A. (2020) Legal status of the embryo. *Semeynoe i zhilishnoe pravo*=Family and Housing Law, no. 3, pp. 6–8 (in Russ.)

4. Bogdanova E.E. (2019) On the rights to human biomaterial. *Grazhdanskoe pravo*=Civil Law, no. 4, pp. 28–32 (in Russ.)

5. Dreier H. (2002) Stages of prenatal life protection. *Zeitschrift fur Rechtspolitik*, no. 9, pp. 377–424.

6. Druzhinina Yu.F. (2017) Legal regime of the embryo in vitro. *Zhurnal rossiyskogo prava*=Journal of Russian Law, no. 12, pp. 129–140 (in Russ.)

7. Fedorova M.G., Latypova I.V., Vishnyakova J.S. (2022) Embryogenesis. Penza: University, 60 p. (in Russ.)

8. Fedoseeva N.N., Frolova E.A. (2008) Determinination of legal status of an embryo in international and Russian law. *Meditcinskoe pravo*=Medical Law, no. 1, pp. 36–40 (in Russ.)

9. Glandin S.V. (2014) Status of the human embryo in the light of the right for respect for personal and family life in European and Russian law. *Zakon*=Law, no. 4, pp. 136–141 (in Russ.)

10. Gongalo B. M. (2021) Selected works. Vol. 5. Moscow: Statut, 310 p. (in Russ.)

11. Gongalo B.M. (2020) The legal personality of a person. In: Civil law of the welfare state: collection of articles. V.V. Vitryansky, E.A. Sukhanov (eds.). Moscow: Statut, pp. 136–148.

12. Herdegen M. (2001) Human dignity in the flow of bioethical discourse. *Juristen Zeitung*, no. 15, pp. 773–779.

13. Korobeev A.I., Shirshov A.A. (2020) Criteria of live birth in determining life as an object of criminal law protection. *Russkyi zakon*=Lex Russica, no. 5, pp. 64–72 (in Russ.)

14. Lebedeva O.Yu. (2013) Determining origin of children born by assisted reproduction methods: review of legislation and law enforcement practice in Europe, Canada and the USA. *Semeinoe i zhilishnoe pravo*=Family and Housing law, no. 5, pp. 32–35 (in Russ.)

15. Levushkin A.N. (2019) Unborn children: consideration of interests and rights in civil turnover and medical practice. *Zakony Rossii*=Laws of Russia, no. 6, pp. 18–23 (in Russ.)

16. Likholaya V.A. (2015) Correlation of biomedical ethics and legal regulation in the field of protection of unborn life. In: Biomedical law in Russia and abroad. Moscow: Prospekt, pp. 271–282 (in Russ.)

17.Mutovin G.R. (2010) Clinical genetics. Genomics and proteomics of hereditary pathology. Moscow: GEOTAR-Media, 832 p. (in Russ.)

18.Novoselova L.A. (2021) Disposal of the human body: a civil law aspect. *Zakon*=Law, no. 8, pp. 115–130 (in Russ.)

19.Podrabinok E.M. (2012) Commentary to chapter 5 of Law on Acts of civil status. In: Commentary on the Family Code of the Russian Federation, Federal Laws on Guardianship and on acts of civil status. P.V. Krasheninnikov (ed.). Moscow: Statut, pp. 592–600 (in Russ.)

20. Pokrovsky I.A. (1917) Main issues of civil law. Petrograd: Pravo Press, 327 p. (in Russ.)

21. Quaas A.M. (2019) A new global perspective: Geographic variations in the use of preimplantation genetic technologies to screen human embryos. In: Human Embryos and Preimplantation Genetic Technologies. Ethical, Social, and Public Policy Aspects. London: Academic Press, pp. 23–28.

22. Rager G. (2016) The beginning of individual human life. *Journal of the Law of Life,* no. 4, pp. 134–142.

23. Roller M. (2013) The legal capacity of the Nasciturus. In: Writings on civil law. Vol. 43. Berlin: Duncker & Humboldt, 266 p.

24. Scharz K.-A. (2001) Therapeutic cloning — an attack on the right for life and human dignity of the embryo? *Kritische Vierteljahresschrift für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft,* № 84, S. 182–210.

25. Sergeeva E.S. (2023) Protection of the interests of an unborn child in civil proceedings. *Arbitrazhnyi i grazhdanskiy protcess*=Arbitration and civil proceedings, no. 9, pp. 7–11 (in Russ.)

26. Shershenevich G.F. (2001) Course of civil law. Tula: Autograph, 720 p. (in Russ.)

27. Tur M.Ş. (2021) When does human life begin? In: Life protection for the embryo in vitro. *Schriften zum Straftrecht*, № 374, S.132–154.

28. Vereshchagin A. (2020) Surrogacy leads to a mixture of people and things. (Interview with R. Andorno). *Zakon*=Law, no. 7, pp. 8–25 (in Russ.)

29. Viebahn C. (2003) A sketch of embryonic early development of man. In: The moral status of human embryos. Pro and contra species, continuum, identity and potentiality argument. Berlin: Walter de Gruyter, pp. 269–278.

30. Winfield P. H. (1942) The unborn child. *Cambridge Law Journal*, no. 8, pp. 76–91.

31. Winter T. (2002) "Bébé prejudice" and "Child as a harm". A comparative study on liability for new life in Germany and France. Berlin: Duncker and Humboldt, 194 p.

Информация об авторе:

Е.А. Останина — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

E.A. Ostanina — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 31.08.2024; одобрена после рецензирования 05.10.2024 ; принята к публикации 05.10.2024.

The article was submitted to editorial office 31.08.2024; approved after reviewing 05.10.2024; accepted for publication 05.10.2024.